

АВТОРИТЕТ  
ТАЛАНТА

# ЖИЗНЬ В ОБРАЗЕ

О многогранности, универсальности таланта народного артиста СССР Ростислава Плятта пишется и говорится много, и это совершенно справедливо. Думаю, и в эти дни, кроме постоянной работы в своем родном Театре имени Моссовета, где он репетирует новую роль, Ростислав Янович снимается в кино или читает сценарий, записывается на радио или торопится в Останкино. И все-таки именно эта универсальность и эта увлеченность разнообразными видами драматического искусства подтверждают его незыблемую преданность театру.

Ростислав Плятт — рыцарь театра. Конкретного, «своего» — имени Моссовета. И театра вообще.

Когда одно время пророчили близость гибели профессиональному театру, Плятт писал: «Уверен я в одном — новым, всегда новым, вечно новым, способным удивлять и потрясать, может оказаться только одно — высокое искусство актера, его жизнь в образе, его глаза, трепет его души, которую он раскроет перед зрителем, делясь с ним чем-то сокровенным, заряжая его силой чувств, богатством мыслей, высотой идей...» Эти слова особенно значительны, так как все, кто знаком с Платтом, знают, что слова общие, словари чужды ему. Публичные выступления его — очень нечастые — в печати, на творческих конференциях и съездах обладают открытой или внутренней полемикой. Он берет слово лишь тогда, когда ощущает в этом острую необходимость.

Семьдесят лет жизни и пять-

десять — в искусстве. А если точнее, пятьдесят два, потому что в 1926 году восемнадцатилетний Ростислав Плятт был принят в студию Завадского, с которым в дальнейшем была связана вся его театральная жизнь. Он был верным учеником Мастера. Он мог иногда сомневаться в правоте своего учителя, спорить с ним, подвергать сомнению некоторые его художественные идеи, но он всегда шел с ним одной дорогой, делил успех и неудачу, радость и горе...

Плятт — это особое явление нашего театрального искусства. Вряд ли есть сейчас у нас актер, список ролей которого был бы так же велик и разнообразен. В его актерской палитре — острый гротеск, краски сатирические, комедийные. Ему доступны роли, исполненные глубокого драматизма и тонкости психологического анализа. Перечислить даже лучшие из них просто невозможно. Но есть среди его работ те, что особенно дороги самому актеру, о которых он непременно упоминает в рассказе о себе. Это тапер Рублев из инсценированного рассказа Чехова. Наверное, именно Рублев, бывший студент Московской консерватории, помог Платту в дальнейшем сыграть Дорна в «Чайке», Войницкого в «Лешем». Тема трагедии несостоявшегося таланта объединяла этих героев. Вспоминает Ростислав Янович своего фон-Ранкена из андреевских «Дней нашей жизни»: respectableного господина с благопристойным выражением лица и чисто вымытыми пальцами, который и в явном непонимании хотел соблюсти приличие. Фон-Ранкен памятен ак-

теру не только тем, что завершал, как говорит сам Плятт, первоначальную серию «негодяйства» в ролях, но главным образом потому, что в работе над ним актер отказался от увлечения внешней формой и пришел к глубинному постижению характера.

И все же острая характеристика, выражающая крайнюю черту человеческой природы, всегда привлекательна для актера. И всегда внешняя гиперболность выражает у него суть явления. Стоит вспомнить таких его героев, сыгранных в разные периоды жизни, как глупый до чрезвычайности Президент в «Бунте женщин», как самодовольный штатный любовник всех сменяющих одна другую министерш в «Госпоже министреш», как ироничный Шоу в «Милом лжеце» и полный сарказма Цезарь в «Цезаре и Клеопатре», как эксцентричный циник генерал Фицбаттресс и исполненный горечи Барклей Купер в спектаклях «На полпути к вершине» и «Дальше — тишина»...

Секрет удивительной молодости Плятта — творческой и человеческой — в увлеченности жизнью, в желании и умении постигать самое главное, самое насущное, чем живут люди...

Недавно на одном из собраний в театре шел разговор о молодых актерах. Разговор острый, критический — предъявлялись претензии к конкретным работам молодых, намечались дальнейшие перспективы их творчества. Пришла очередь высказаться Платту. И он с грустью признался, что больше всего ему жаль, что он не может сидеть сейчас на одной

скамье с молодыми, не слышит столь же острых слов в свой адрес, так как, очевидно, его возраст и ранг защищают его от такой критики.

В этом желании вечно совершенствоваться проявляется молодость его духа, молодость таланта. Залог того, что нам еще предстоит увидеть нового, неожиданного Плятта.

Как он всматривается в себя, седника, вслушивается в то, что и как говорят ему? И неважно, какое общественное положение занимает собеседник какого он возраста, — спокойное, дружелюбное внимание и острый интерес вызывает у Плятта то, что он говорит о себе, о жизни, как понимает искусство.

Ростислав Плятт — человек деятельный и человек действия. Он не умеет сочувствовать на словах: его сочувствие выражается в поступках, немедленных и конкретных. Он приходит на помощь охотно и быстро забывает о своем благодеянии. Человек доброжелательный, мягкий, очень общительный, чему чрезвычайно помогает чувство юмора, проявляемое остро, изящно, но неизменно тактично и интеллигентно. Плятт бывает безжалостно резок, когда видит непрофессиональное отношение к работе. Профессионал самого высокого класса — того же он требует от других.

С уходом из жизни Юрия Александровича Завадского руководство театром взял на себя президиум художественного совета. И престижность, значительность этому руководству придает пребывание в нем Плятта. Он является главой его. Неофициальной, но истин-

ной. По высокому творческому и нравственному авторитету, потому что он — человеческая и художественная совесть своего театра. Так же, как остался он верен единственному театру — имени Моссовета, единственному учителю, Мастеру — Завадскому, верен Плятт своим партнерам, предан им. Именно с Верой Марецкой, Любовью Орловой, Фаиной Раневской создал он на протяжении всей своей жизни замечательные, ставшие классическими сценические дуэты.

Есть в его творчестве роли, занимающие совершенно особое место. В этих ролях он присутствует на сцене не только как конкретный персонаж, но и выступает от своего лица, как «лицо от театра», выражая свое отношение и к происходящему на сцене, апеллируя к зрительному залу, заставляя людей быть активными участниками спектакля. Именно Плятт делает в таких ролях то, о чем всегда мечтал Завадский, — объединяет зал и сцену, делает зрителей сотворцами спектакля. Так, роль Автора в «Далых неоглядных» служила не только главным сцеплением между персонажами, но и вызвала зрителя вместе с Автором полюбоваться на этих, рождающихся у них на глазах героев, восхититься ими, поиронизировать над их слабостями, подтрунить над ними. В «Поющих песках» Штейна Плятт играет Писателя, то есть опять автора, рождающегося тут же, на наших глазах рассказа «Сорок первый». Но человек этот не просто автор — в нем мы должны узнать и узнаем внутренний портрет Бориса Лавренева и в то

же время это сам Плятт, лицо от театра, выражающее наше сегодняшнее отношение к далеким событиям гражданской войны. Или же ПДП — Постоянно Действующий Персонаж в комедии «Возможны варианты» — человек, в котором есть много от самого Плятта — его озорство, его юмор, его тяга к лицедейству и его доброжелательность к людям, который является опять-таки Лицом от театра — самим актером Ростиславом Платтом. Все эти лица от автора сделаны вроде бы одним приемом — посредством прямого обращения к зрителю. И везде перед нами было не измененное гримом знакомое лицо актера. Но какие разные эти «лица от автора»! Потому что существует в каждом случае глубокое перевоплощение, овладение стилем автора, жанром сценического представления.

Лицо от театра... Эту роль Ростислав Янович исполняет с блеском и в других случаях. Приезжают москотовцы на гастроли, предстоит встреча со зрителями, идет выездной спектакль на подшефном предприятии или же в театре премьеры — нужно рассказать о спектакле, об актерах, участвующих в нем. Никто лучше Плятта этого не сделает. Потому что он интеллигентен, умен, тактичен. Потому что быстро и точно ориентируется в обстановке, и его обращение будет направлено не к зрителю вообще, а именно к этому, сегодня пришедшему в театр. Потому что авторитет Плятта — Лица от театра — авторитет художественный и человеческий высок.

Нет у Ростислава Плятта длинного списка официальных должностей. Вся его жизнь подчинена Театру, которому служит он истово, преданно.

О. КОРНЕВА.